

Ночь выдалась для Сюй Сяочжэня беспокойной. Болели пальцы, ныло в пояснице, живот тоже покалывало. Но рядом кто-то всё время был. Чья-то ладонь то и дело касалась его лица, проверяла лоб, скользила по щеке — мягко, почти нежно. Тёплое дыхание, щекочущее кожу, успокаивало не хуже лекарства.

Утром, проснувшись, он и правда почувствовал себя лучше. Уже не ломило так, как ночью, только в пояснице оставалась тупая тянущая боль.

Чжоу Янь, что было редкостью, на этот раз встал раньше него. Вернулся в комнату с небольшой бутылкой с маслом в руках.

— Откуда у тебя деньги? — Сюй Сяочжэнь машинально потянулся к карману. Проверил — всё на месте: три юаня с мелочью, как было, так и осталось.

Чжоу Янь не стал отвечать. Молча подошёл, развернул его на кровати, как блин на сковородке — одним движением, и Сюй Сяочжэнь оказался на животе, спина кверху.

Тот не успел и возмутиться, как рубашку уже задрали, обнажая бледную, гладкую кожу на пояснице. Чжоу Янь вылил немного масла на ладони, растёр — и надавил прямо в синяк.

Сюй Сяочжэнь дёрнулся, зашипел от боли, лицо перекосилось.

Чжоу Янь бросил на него косой взгляд, голос всё такой же раздражённый:

— Тебе какая разница, откуда?

Сюй Сяочжэнь не мог поверить, что Чжоу Янь — такой гордый, такой “выше всего” — мог пойти на что-то дурное. Но тревога грызла. Он прижал к себе подушку, повернулся через плечо, взглянул на него:

— Ты только... только не делай из-за меня глупостей, ладно? Если попадёшься — тебе же ноги переломают...

Лицо Чжоу Яня вспыхнуло — от ярости, от смущения. Красное, потом бледное, потом опять красное, будто Сюй Сяочжэнь его в краже уличил. Вот же зараза, думал он. Ни на секунду не бывает таким, чтобы его просто жалко — обязательно доведёт.

Рука дернулась — и шлёпнула прямо по синяку.

— Заткнись!

Сюй Сяочжэнь, скривившись, провёл ладонью по губам, будто застёгивал воображаемую молнию.

...

Часы на запястье Чжоу Яня исчезли.

Это первым заметил Сюй Сяочжэнь, когда Чжоу Янь умывался. Обычно каждое утро, прежде чем умыться или почистить зубы, он аккуратно снимал часы и клал рядом.

Сюй Сяочжэнь прошёл мимо с кружкой для полоскания, притворяясь, что просто так заглянул:

— Чжоу Янь, за сколько ты, говоришь, продал свои часы?

Чжоу Янь выплюнул пену от зубной пасты:

— Пятьдесят.

Сюй Сяочжэнь аж затрясся — он что, и правда их продал? И всего за пятьдесят?! Он схватил Чжоу Яня за руку и уже тащил к выходу:

— Кому ты их продал? Кто купил? Пятьдесят?! Ты с ума сошёл? Тебя же откровенно развели, пойдём, быстро вернём!

— С моим глазомером после стольких лет копания в мусоре, — бормотал он на ходу, — та штука как минимум на восемьсот с лишним тянула!

Чжоу Янь поймал его за ворот и притянул обратно, щёлкнул по лбу и усмехнулся:

— Ну если так, то у тебя глазомер — никакой.

Те часы стоили как минимум под миллион, только на заказ уходили шестизначные суммы. С виду — ничего особенного, без бренда, выглядели просто, как старьё. В Восемнадцатом секторе на них и правда смотрели как на барахло, цену набивали как за лом. Если бы не уезжал, он бы и не подумал обменять их на какое-то лекарственное масло.

Сюй Сяочжэнь всё не так понял. Видя, как Чжоу Янь спокойно к этому относится, решил, что те часы и правда были дешёвкой с лотка за десять юаней. И в глубине души восхитился: Чжоу Янь — не зря первый в классе, умный, голова на плечах. Спорить с ним насчёт выкупа смысла

нет.

Единственное, что по-прежнему его бесило — это то, что Чжоу Янь снова дал себя облапошить: бутылочка какого-то масла за пятьдесят юаней!

— Протухшее, по три юаня, тоже помогает... — буркнул он.

Чжоу Янь метнул на него взгляд, и голос Сюй Сяочжэня тут же сник.

Чэнь Исунь, как по расписанию, то пораньше, то попозже, подкарауливал Сюй Сяочжэня, чтобы нагрубить или унизить. Это уже стало чем-то вроде местной достопримечательности, школьным фольклором, почти что «нематериальным культурным наследием» района.

Теперь, когда во дворе вдруг стало тихо и спокойно, школьники даже не сразу поняли, как к этому относиться. Атмосфера без привычного напряжения казалась подозрительно непривычной.

Отношения между Чжоу Янем и Сюй Сяочжэнем оставались... неопределёнными. Ни да, ни нет. Но этого оказалось достаточно, чтобы самые ретивые охотники до конфликтов поостыли.

С одним Сюй Сяочжэнем и так было непросто — в бешенстве он лез в драку без страха, с обречённым безрассудством. А тут ещё Чжоу Янь — непонятно кто, непонятно откуда. Все быстро смекнули: с твёрдым фруктом лучше не связываться.

И Сюй Сяочжэнь вдруг впервые в жизни почувствовал, что дышит свободно.

Любимый человек рядом. Будущее — пусть не расписано по пунктам, но впервые казалось возможным. Жизнь — пускай бедная, но тёплая. И что самое удивительное — он был... счастлив. До головокружения.

Не нужно больше каждый вечер бояться встречи с Чэнь Исунем — не прятаться, не сжиматься от оскорблений. Даже собирать мусор он стал на час дольше — деньги на учебу понемногу копились.

До вступительных экзаменов оставался месяц с небольшим. В школе, всегда ленивой и расхлябанной, вдруг появилась напряжённость. Особенно вокруг таких, как Чжоу Янь и Сюй Сяочжэнь — тех, у кого есть шанс вырваться за пределы Восемнадцатого района. Учителя буквально дышали им в затылок.

На последнем пробном тесте по «обществу и морали» Чжоу Янь снова... набрал ноль.

Даже если бы он плюнул на лист — и то, возможно, получил бы больше.

Но он был непробиваем. Школа привычно поохала, поворчала и махнула рукой. Выпустили — иди гуляй.

Сюй Сяочжэнь сидел у двери, нахмуренный, на корточках. Ждал. Увидев его, открыл рот — и Чжоу Янь даже не стал дожидаться тирады. Сам перебил:

— Я знаю, у меня нет морали, ни совести, ни воспитания. И да, я не могу делать такие тесты. Доволен?

Сюй Сяочжэнь хотел сделать строгое лицо, но не выдержал. Расхохотался. Сначала тихо, потом громче.

Чжоу Янь усмехнулся — значит, нотации отменяются. В школе в этот час уже почти никого не было. Он накинуд руку ему на шею:

— Ну что, что на ужин?

Дни тянулись один за другим, скучные и одинаковые, как две капли воды. Но благодаря Сюй Сяочжэню и его всё более уверенной стряпне, у Чжоу Яня хотя бы был повод ждать вечера.

Сюй Сяочжэнь всё ещё был в мыслях о контрольной, но на автомате перечислил несколько блюд. Чжоу Янь выбрал, покривился — и они вдвоём направились домой.

После ужина Сюй Сяочжэнь выложил перед Чжоу Янем аккуратно собранные конспекты. Сам повесил на плечо свой обтрепанный мешок, и, уже стоя в дверях, посмотрел на него с твёрдой решимостью:

— Если выучишь всё, что тут, — восемьдесят баллов как с куста.

Чжоу Янь демонстративно дернулся, будто хотел сбросить папку со стола, но Сюй Сяочжэнь успел его прижать, сжал так, что тонкие руки аж вздулись венами:

— Я в тебя верю. Правда ведь?

Выражение у него было такое, что если Чжоу Янь сейчас не кивнёт, он тут же начнёт разбирать это по кусочкам, с объяснениями, доводами и моралью.

Чжоу Янь не выдержал:

— Да что ты такой занудный?! Я, что, опять стал слишком ласковым — и ты решил, что можешь мне мозг выносить?

Лицо Сюй Сяочжэня побледнело. Он тут же отпустил руку, испугался, что перегнул, что опять разозлил его.

Хотя он же ведь по-доброму... правда?

Он поднял глаза — упрямо, слабо, но всё же снова посмотрел в лицо Чжоу Яню. Не отводил взгляд, хоть и растерянный до глубины души.

Чжоу Янь глянул на него, вздохнул и отмахнулся:

— Ладно, иди уже. Посмотрю я твои каракули.

Он вспоминал, как в поместье в Первом секторе у них было две охотничьи собаки. Сначала они рычали, кидались, лаяли без передышки. Он кидал им мясо — те ели, успокаивались. Тогда он брал хлыст и хлестал — дрессировал. Снова давал мясо. И снова бил. Несколько раз по кругу — и вуаля: собаки стали одновременно бояться его и искать его внимания. Стоило нахмуриться — те уже поджимали хвост.

Вот и Сюй Сяочжэнь теперь был как те собаки.

Он вышел, оглядываясь каждые три шага. Да и сам не особо верил, что Чжоу Янь будет читать эти записи — упрямый, вспыльчивый, если начать настаивать, точно вспылит.

Он тихонько вздохнул.

Да хоть ругается, хоть бьёт — всё равно надо найти способ впихнуть в эту упрямую голову хоть что-то. Словами, давлением, хитростью — чем угодно, лишь бы прошёл экзамен.

Сегодня на сборе мусора повезло. Из Первого сектора приехала машина — та, что везёт уже перебранные отходы.

Сюй Сяочжэнь выбрал, что нужно, уложил в мешок и, задышав от усталости, прислонился к стене. Надо было пересчитать.

Рядом с ним копались в мусоре ещё несколько ребят примерно его возраста. Среди них — Юань Нанань.

Судьба у него была схожа с судьбой Сюй Сяочжэня: родители умерли рано, только у Юаня

осталась младшая сестра.

Юань Нанань давно школу забросил. Зато сестра ещё училась — она обожала учёных, «умных». И потому, что Сюй Сяочжэнь учился хорошо, Юань относился к нему с особым уважением — каждый раз, как видел, махал рукой:

— Чжэньчжэнь! Так рано?

— Раньше придёшь — больше хлама ценного достанется, — усмехнулся Сюй Сяочжэнь, вытирая пот с лба.

Юань бросил взгляд ему за спину и недовольно фыркнул:

— А где твой «находка века»? Раз ты уже целого человека с помойки притащил — что, он теперь с тобой не ходит? Помогать не хочет? Вдвоём-то всегда больше набрать можно. Ты сам-то — худой как спичка, толку с тебя...

Сюй Сяочжэнь лишь тихо усмехнулся, подумал о Чжоу Яне — и сам того не замечая, покраснел:

— Да не... Ему тут не место. Он дома. Учит уроки.

Юань Нанань перекопился, насмешливо тряхнул мешком — оттуда зазвенело что-то железное:

— Не место? А откуда он, по-твоему, вылез? Разве не с таких же свалок? Не смеши. Скажу тебе честно: ты его балуешь. Рано или поздно это тебе аукнется. Привыкнет, зазнается, сорвётся — а потом плюнет на тебя и сбежит. Вот тогда и поплачешься.

— Не сбежит он, — упрямо сказал Сюй Сяочжэнь.

Юань не унимался, даже покраснел от возбуждения:

— Да что ты знаешь? Сколько ты на него уже потратил, а? Я слышал, как только ты его притащил домой — у тебя там сразу и фрукты, и овощи, и мясо, и рыба, и молоко, и яйца! Ты его как принцессу на довольствие поставил!

Он и вправду беспокоился — по-настоящему. Знал, что Сюй Сяочжэнь, с тех пор как отправил младшего брата подальше, жил один. Один — почти десять лет. Конечно, ему одиноко. Конечно, хочется быть с кем-то. Но не до такой же степени?

Сюй Сяочжэнь затянул верёвку на мешке:

— Я знаю, ты за меня. Спасибо. Но я сам всё понимаю. Не переживай. И да — я тебе ещё записи для сестры приготовил, заberi потом.

Юаня тут же переключило. Он оживился, засиял:

— Точно? Заберу! Обязательно!

Из-за того, что Чжоу Янь терпеть не мог, когда дом захламляли бутылками, банками и прочим мусором в надежде, что «вдруг подорожает», Сюй Сяочжэнь постепенно отказался от своей старой привычки. Всё, что находил, продавал сразу, не копил.

Сегодняшний заработок он сжимал в кармане, ладонь всё время не отлипала от ткани — будто в любой момент кто-то может подскочить и вырвать у него эту пару купюр.

На обочине сидели бездомные, чуть дальше — ссора, куча народа сцепилась в драке. В Восемнадцатом районе воздух сам по себе был тяжёлый: здесь всегда кто-то давил кого-то. Сильный — слабого. Слабый — ещё слабее.

На углу аллеи его окликнули. Несколько вызывающе одетых бета засвистели ему вслед, засмеялись громко, с грязным весельем:

— Эй, тонкая талия, ты вообще кто? Парень или девка?

— Иди сюда, дай брату проверить, — подхватил другой.

Сюй Сяочжэнь не обернулся. Опустил голову и быстро прошёл мимо, свернув в узкий переулок.

Раньше он бы, может, и вспыхнул. Пошёл бы на разборку, не раздумывая. Но после истории с Чэнь Исунем понимал: геройствовать — себе дороже. И не только себе, другим достанется. Не стоит.

Удобный магазинчик ещё не закрылся — вывеску «перерыв» не повесили. Продавщица устраивала распродажу. Пара ящиков с фруктами стояла прямо у входа — аромат сладкий, ощутимый даже с улицы.

Такие магазины держали «уважаемые» люди. Даже самые отбросные головорезы не смели устраивать беспредел у порога. Это была почти территория нейтралитета.

Большие витрины, чистое стекло, за которым светило тёплое, медовое освещение, полки — вылизанные до блеска, всё в порядке, всё по местам. В отражении можно было увидеть себя с головы до пят. Раньше, когда уставал, Сюй Сяочжэнь часто просто заходил туда погулять —

ничего не покупал. А теперь стал захаживать чаще — хотелось чем-то побаловать Чжоу Яня, улучшить ему питание.

Продавщица узнала его, улыбнулась:

— Фруктики возьмёшь? Дёшево отдают!

Сюй Сяочжэнь помедлил. Он вспомнил, как в прошлый раз принёс виноград — Чжоу Янь не съел ни ягоды, не любит, оказывается. Всё пришлось доедать самому. Может, на этот раз взять что-то другое? Что-то, от чего тот улыбнётся?

Хотя, даже если Чжоу Янь и не станет учиться, ему всё равно хотелось купить ему что-нибудь вкусное. Просто... чтобы было.

— Мне... не из распродажи, — тихо сказал он. — Десять черешен. Самых больших.

Продавщица чуть удивилась. На вид-то не скажешь, что у него деньги водятся. Но молча взвесила, выбрала самые спелые и налитые:

— Восемьдесят юаней и три цзяо.

Только что заработанные двести — и вот уже минус восемьдесят. Сюй Сяочжэнь аж внутри перекошило. Словно кровью заплатил. Но представив, как Чжоу Янь улыбается над этой дорогой черешней — что там, ради такой улыбки и восемьсот наскребёт.

Сюй Сяочжэнь расплатился и вышел. Внутри магазина было ярко, а снаружи — почти кромешная тьма. Стеклопанная дверь стала как зеркало — отразила его до мельчайших деталей.

Он выглядел таким тонким, что будто бы сейчас подует ветер — и унесёт. Высокий, но узкий, как стебель травы. Словно бумажный силуэт — пустой, ничем не примечательный. Волосы сухие, посечённые. Одежда помятая, воротник топорщится, куртка тоже вся в складках. Губы — бледные, сухие. Единственное, что не вызвало отторжения — кожа: бледная, чистая, тонкая. И большие глаза.

Дома такого зеркала не было — так чётко он себя ещё не видел. И только сейчас понял, насколько он... некрасив. Жалкий. Усталый.

Он застыл перед стеклом. Поправил волосы, немного одёрнул куртку. Замялся, заметив, что продавщица всё ещё на него смотрит — и, вспыхнув, почти бегом вышел из магазина.

Черешня была спрятана на груди, у сердца, и перекочевала с ним домой.

Когда он возвращался, то издалека заметил: в доме горел свет. И не один — все лампы, что были, осветили комнату.

А ведь каждый киловатт стоил шесть цзяо — он давно запретил Чжоу Яню включать больше одной лампы. Экономия.

Он прибавил шаг. Хотел выговорить ему — мол, как можно так тратить деньги? Но, толкнув дверь, увидел Чжоу Яня — тот всё ещё сидел за столом, подперев щеку, нахмурившись, изучал его конспекты.

Услышав, что дверь открылась, Чжоу Янь чуть повернул голову и лениво спросил:

— Вернулся?

Сюй Сяочжэнь застыл.

Сначала — от красоты. От того, каким он был в этот момент: в свете лампы, с сосредоточенным лицом, с этой непривычной домашней тишиной вокруг.

А потом — его сердце болезненно сжалось. Что-то дрогнуло глубоко внутри, и захотелось заплакать.

С тех пор как А'Ле уехал, никто его не ждал. Никто не зажигал свет, не сидел дома, пока он бродит по улицам. Он вдруг вспомнил старый фильм — как мужчина после тяжёлого дня возвращается с работы, а жена встречает его у двери с тёплой улыбкой: «Ты дома? Устал, наверное».

Он когда-то засыпал, мечтая о таком. Просто — о ком-то, кто ждёт. Кто заметит.

Чжоу Янь, конечно, был не женой — ни ласковым голосом, ни утончённой фигурой. Он был выше, крепче, грубее. И всё же... это было даже лучше. Это было по-настоящему.

Сюй Сяочжэнь всхлипнул, вытер нос рукавом и сказал:

— Давай ещё раз.

Чжоу Янь: — ...Что?

— Ну, то, что ты сейчас сказал. Повтори.

Он это сказал — и, не дожидаясь ответа, вышел, закрыл за собой дверь, потом снова толкнул её

и шагнул внутрь.

— Я дома! — громко заявил Сюй Сяочжэнь, входя, словно на сцену.

А потом с затаённым ожиданием уставился на Чжоу Яня.

Тот сначала опирался на щёку, теперь сдвинул руку на лоб, закрыл конспект, тяжело выдохнул. Пару секунд даже не знал, что сказать.

Какой же он всё-таки ребёнок, этот Сюй Сяочжэнь. И всё, что придумывает, — тоже детские глупости. Но...

— Ага. Ты вернулся, — нехотя, но всё же подыграл Чжоу Янь.

<http://bllate.org/book/14462/1279133>